

Илья Рудяк

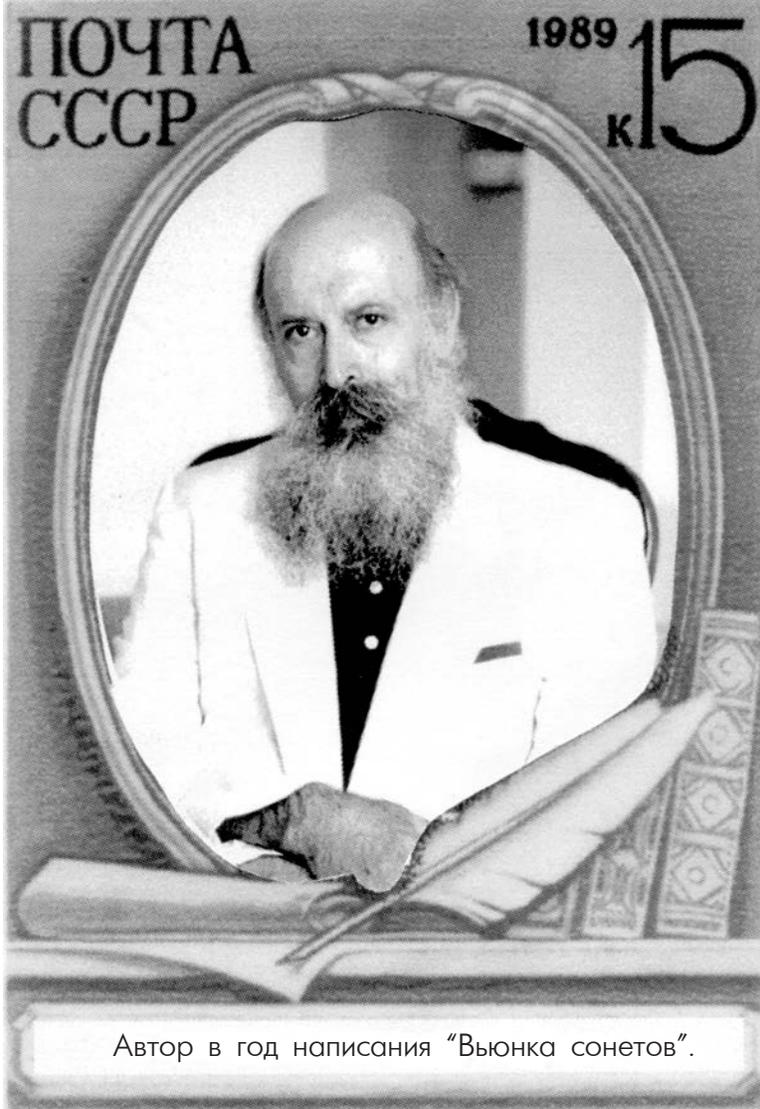

ВЬЮНОК СОНЕТОВ

ЛИМЕРИКИ ИЗ АМЕРИКИ

Автор в год написания "Вьюнка сонетов".

Компьютерный набор - Дима Халабуда
Фото на марке - Саша Фавелюкис
Макет книги автора

All rights reserved. Copyright © Ilya Rudiak.
2008.

Авторское извинение

Мой близкий друг, великолепный филолог, поэт, звонит мне как-то за полночь и сразу приступает к чтению стиха. За ним следует второй и третий. И все только что написаны. Я поздравляю его, но, должно быть, что-то недооценил. Друг подчёркивает:

- Три начальных сонета за вечер, понимаешь! Если так пойдёт, то за четыре дня появится венок!

- А разве это не в норме?

- Да ты явно не понимаешь и не представляешь сложность формы. И он тут же красиво изложил требования к написанию венка сонетов.

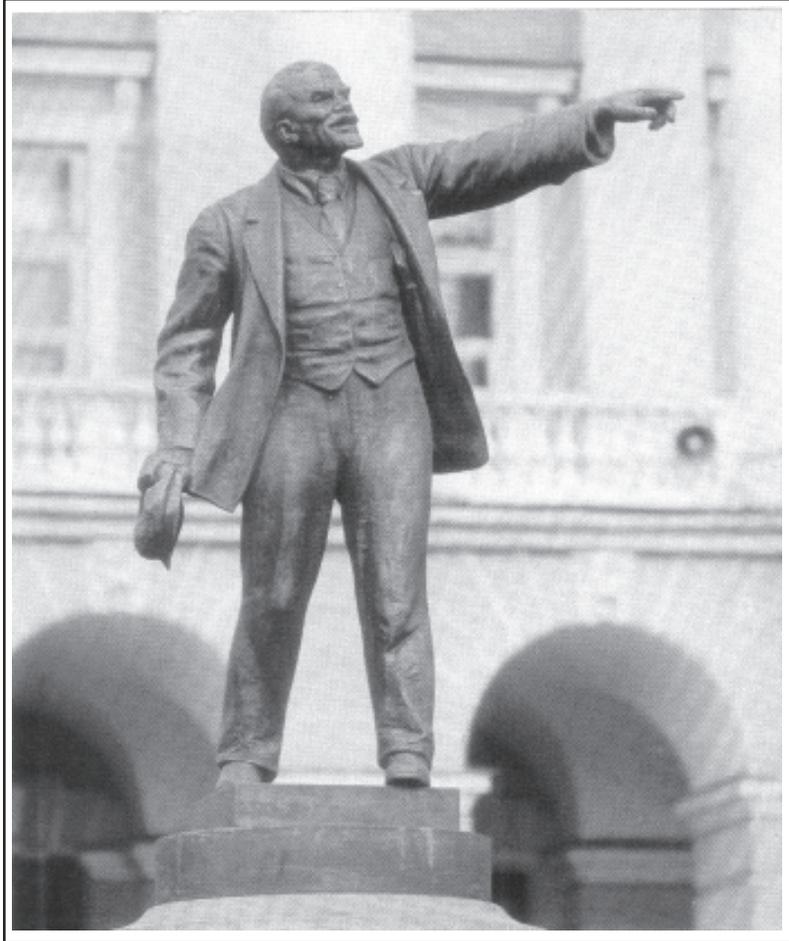
- Теперь ясно - поблагодарил я его - сажусь и плету. - Как говорится, "Плети, Емеля - твоя неделя".

Мой близкий друг рассмеялся.

Был второй час ночи. Спать уже не хотелось. Перо вывело:

"Вьюнок сонетов"

И это продиктовало всё дальнейшее. Я заземлил жанр, заэСэСеРил тему, не соблюл количество, пренебрёг качеством и уложился в срок и... забыл о них на много лет. И только сейчас готовя "Соврание сочинений" вспомнил о "Вьюнке сонетов" из жизни Советов. Все же это дань времени, не обессудьте.

Все началось с забавной шутки -
Недоучившийся юрист,
Фанат, холерик, большевик,
В ненастный день, промозглый, жуткий,
Под улюлюканье и свист,
Подброшен был на броневик.
И прокартавил речь "артист":

Рабочие, кухарки, братцы!
Пора нам за булыжник браться,
И пусть дрожат и царь, и граф!
И, кепочкою поиграв,
Берите срочно телеграф,
Хватайте банки, почту, братья!
Все разрешаю лично братья я!

- А ты сумеешь ли за сутки
Снести дама, заборы, будки -
Вэс этот старый царский хлам
И этат надаевший Храм -
И пралажить балшой праспэкт
Да самого, да гаризонта?
- Товариц Коба, есть проект,
Уже развернуты два фронта.
Мы Вашей ждем команды.
Подвезен динамит и тол,
Накрыт в Георгиевском стол,
На страже фраера и банды -
По всем дорогам.
- Иды, взрывай! И с богом!

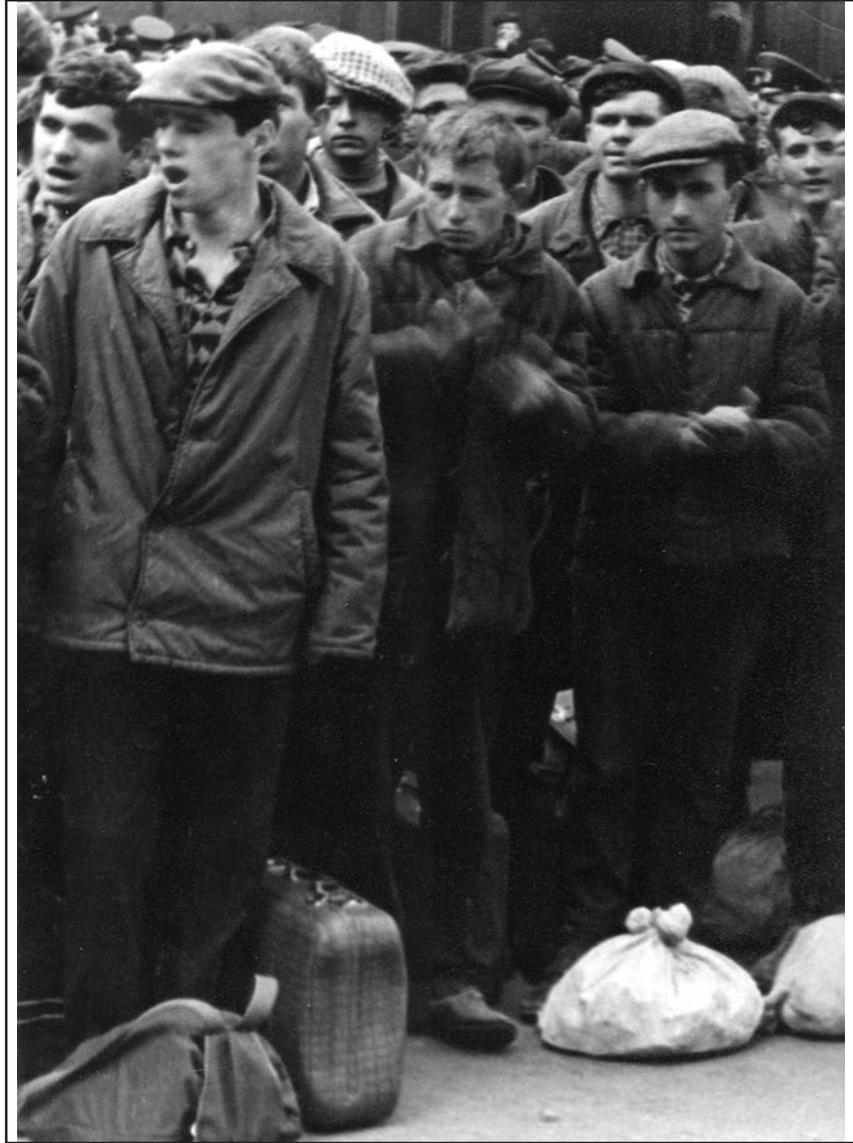
- Венок сонетов написать
Вам Хамилков от партии задание,
Чтоб Западу гнилому показать,
Что можем форму соблюдать,
Вдохнув в нее иное содержание.
Нам не к лицу сегодня Гамлета стенанье,
Смешочки, недомолвки, ржанье,
Нам нужен оптимизм большевика,
Что повернул обратно воды,
Что строит фабрики, заводы,
И под свои собирает своды
Все угнетенные народы,
Чья чувствуется мощная рука.
И главная задача - чтобы
Был образ Кобы.

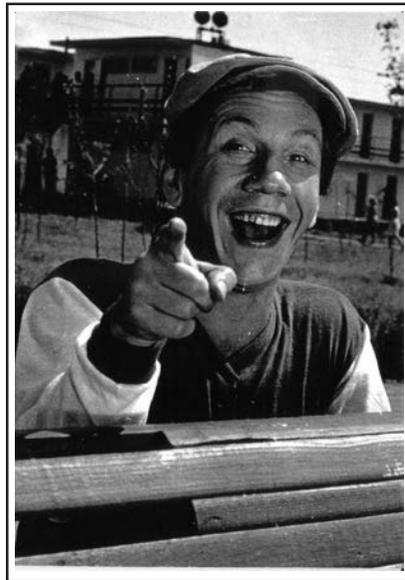

- Тут мимо пролетали утки,
И сразу выстрелы вослед.
А у Барбоса слух-то чуткий,
Он в стойку - и напал на след!
Выносит в пасти птицу.
Но, псина, перешла границу:
Из-за кустов
Не видно было молодцов-
Энкаведэшников.
В упор убили мне собаку...
Полез я с кулаками в драку
И получил свою десятку...
Ты че, яйцо не любишь всмятку?
Бери огурчик. Будь здоров!

...и вот, за считанные за минутки
Собрал в дорогу свои шмутки -
И в поезд, что на целину.
А там - морозец, ну и ну!
И целый день я спину гну
На МАЗе "Антилопа-гну".
И начал пить я самогон:
Не хуже бренди в холод он.
И "Шипр" пил - одеколон.
И загремел я за угон
В "Кресты", ту самую тюрьму.
Теперь алкаш я, но не псих.
Давай, разлей-ка на троих.

Сумел пук перьев я собрать,
Дарю их санитару.
А он меня рукою драть,
А он и в душу, в бога, в мать.
И головой об тару.
За что? Зачем? И почему?
Никак, родные, не пойму.
Ведь то цветы я дал ему.
Опять кололи в три шприца,
Как будто гада, подлеца,
Как будто немцы Штирлица.
И нет на мне уже лица.
И нету этому конца...
Ламца-дрица, лам-ца-ца.

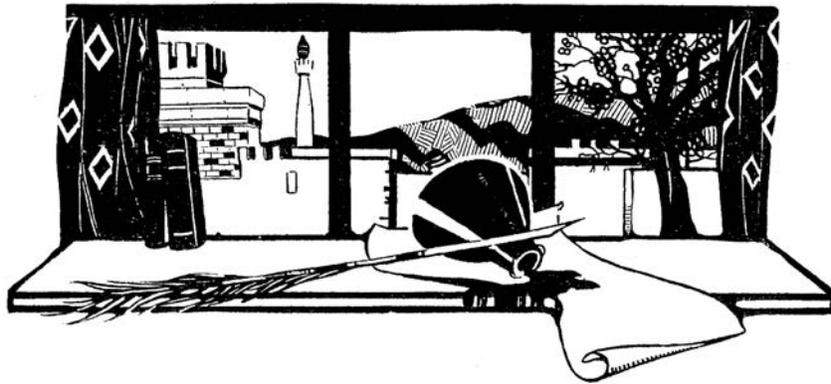

На каждый на сонет перо,
Шекспир, усердно тратил
Слова перебирая серебро
Как золотой песок, старатель.
А Пушкин нервно перья грыз
И прыгал, подымая ручку!
Ильич же, опьяненный вдрызг
Весной, готовил миру взбучку,
Писал, по листику шурша
Огрызочком карандаша.
А Маяковский из стило
Строчил стихи врагам назло.
И вот, на злобу дня и ночи,
Теперь компьютер строчит..

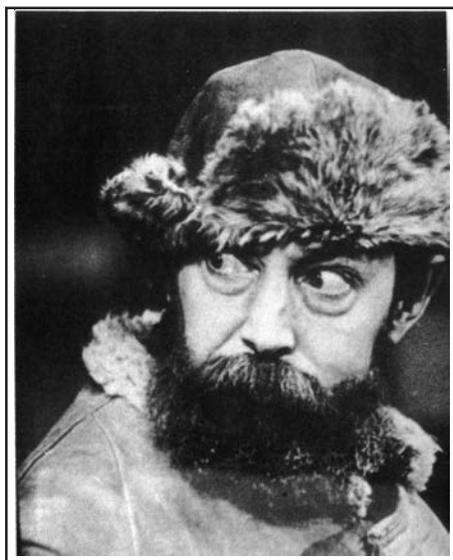
Попалось старое ведро.
Я был находке рад:
Ведь сорок лет тому назад
Молодцевато и легко
Носил в нем воду
Родителям в угоду.
Когда же проржавело
Пузатенькое тело,
Нашлось ему другое дело:
Приписанным быть к огороду.
Но вот и дужка отвалилась -
Его душа и сердце.
И для бумажек пригодилось
За туалетной дверцей.

Из порошка развел чернила,
Запачкав серое пальто.
У Шолома Алейхема про то
Написано с убийственной силой.
Но сколько нужно капель,
Чтоб описать хирурга скальпель?
И хватит ли поллитра,
Чтоб радугой - палитра?
И сколько нужно склянок,
Чтоб ожил полустанок?
И хватит ли ведра,
Чтобы запахла вечера?
Но может тоненький пунктир
Внезапно очернить весь мир.

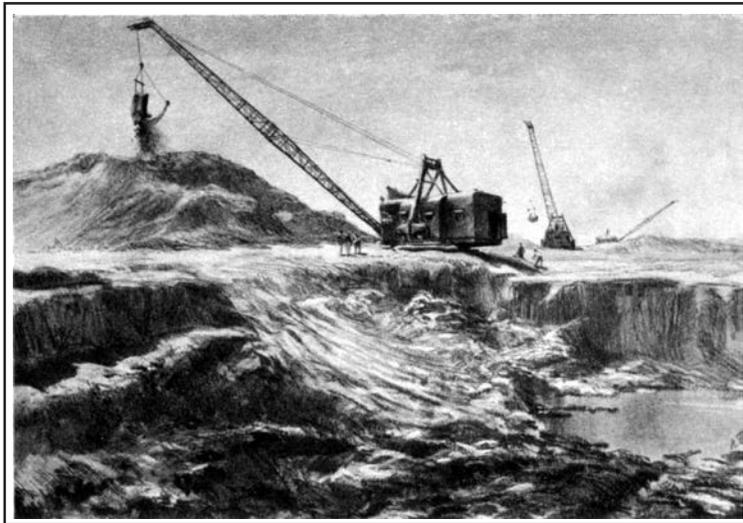
И, улыбаясь сам себе хитро,
Корпел над листиком бумаги
Стукач Гаврильченко Петро,
Мечтавший проскочить в завмаги.
“ В районное БеХэзСэС
От члена профсоюза.
Копайгородский Хаим эС. -
Зажравшееся пузо -
Продав в тридорога отрез,
Пустил налево воз арбузов,
В карманы Родины залез.
Рабочих и крестьян обуза.
И Финкельштейны Сруль и Додик -
Такой же гнусенький народик...”

Фантазией разыграло все нутро:
Вот колбаса, горчица и ситро,
Вот винегрет из свеклы и картошки,
А вот супы, борщи, окрошки,
Свинные отбивные, ножки,
Бульон, сациви и харчо,
Поджарка, пирожки, котлеты,
Оладушки, блины, омлеты,
Торты, печенья, сухари
Прекрасны, что ни говори!
И песни все еще не спеты...
И все оно огнем гори!
Все это мог купить за сто я
В те годы страшные застоя.

Я перенесся вмиг на берег Нила,
Где строил братский Асуан.
Напиши мне, милая Далила,
Как растет пацан наш эль Асан.
Вспоминаю часто я Насера
Золотую на груди его звезду.
Эх, была тогда и цель, и вера,
А теперь все кануло в... во мглу.
Я в Моздоке каменщик, как прежде,
Только строить нечего теперь.
Я живу пока еще в надежде,
Что открою потайную дверь
И тебя увижу на пороге...
Где вы Асуанские пороги?

- Где бедуинка - тоненький вьюнок?
Куда она от вас сбежала?
Мгеладзе, маменькин сынок,
Ты ждешь погоны генерала?
Так ты получишь в зад пинок,
И это будет еще мала.
Я весь горю, я изнываю,
Два дня я дэвушек нэ знаю.
Я, как арабский жеребец,
Ее желяю наконец.
Даю вам до обеда срок.
Она ваш жребий, и ваш рок!
Но чтоб не быть простою -
Введите Танечку и Зою.

Пустила в плаваньє сонетов сих венюк,
Должно быть, жажда славы.
Не лучше ль было бы вино
Из одуванчиков, и тра́вы,
Настоянные кипятком,
Пропитанные солнцем, ветерком,
Испробовать осенним вечерком.
Или из старого колодца,
Или из горного ручья,
Холодная водица чья -
Как уколеться
О лапчатую ветку ели.
Я до конца дотягиваю еле
И рад, что, кажется, ничья.

Все началось с забавной шутки:
- А ты сумеешь ли за сутки
Венок сонетов написать?
Тут мимо пролетали утки,
И вот, за считанные за минутки
Сумел пук перьев я собрать.
На каждый, на сонет - перо.
Попалось старое ведро.
Из порошка развел чернила,
И, улыбаясь сам себе хитро -
Фантазией взыграло все нутро -
Я перенесся вмиг на берег Нила,
Где бедuinка - тоненький выюнок -
Пустила в плаванье сонетов сих венки.

Луи Пастер, однако,
 Не читал Бориса Пастернака,
 Как и других поэтов большинство.
 У Луи
 Стихи -
 Вызывали бешенство.

Мсье Эжен Сю
По утрам
Съедал сам
Ливерную колбасу,
По два су,
Целый килограмм.

Французский ученый Шарко
Под холодным, арктическим душем
(отмерзали и нос и уши)
Все писал свои "Мертвые души",
А ведь было ему нелегко.

Дени Дидро
Выпил ситро
Ведро.
Закусил разной снедью,
Сел в "ситроэн"
И поехал в город эн
Писать свою энциклопедью.

С Жюлем Верном,
Моим другом верным,
Романтикою гоним,
Переплывал я моря и речки,
Не покидая местечко,
И в этом был схож я с ним.

У Франца Кафки
Две канцелярские козявки
Потребовали справки,
Что он - владелец лавки,
Где можно взять булавки,
Чернил, сукна отрез.
Он отказался наотрез.
Пошел "Процесс"!

Глядя на воды реки Брамипутра,
Читал Альбер Камю с утра,
Трактат любовный "Камасутра",
Хотите-верьте, иль не верьте -
Затем писал роман о смерти.

Лев Толстой
Был холостой,
И долго притом.
Но в деревне Ясная Поляна
Каждая Полина и Ульяна
От него ходила с животом.

Репина жена - заядлая вегетарьянка
Вывела семью на травку, валерьянку.
А когда засыпала она и детки,
Илья Ефимыч вылезал из "клетки"
И жадно поедал куриные котлетки.

Станиславского Константина
На лугу рогатая скотина
Нежно языком лизнула в спину.
Обращаясь к этакому зверю,
Режиссер вскричал: "Не верю!"

У Немировича-Данченко
Были два чемоданчика.
У Немировича - фибровый,
Иностранный.
У Данченко - березовый,
деревянный...

Дети композитора Серова
Воспитывались строго и сурово,
Но когда узнали, что их мать - еврейка,
Подпрыгивая к клетке с канарейкой,
Кричали радостно снова и снова:
"Мы - жиды Серовы!
Мы - жиды Серовы!"...

Знаменитый Чуковский Корней
В одних из своих корней-
(с таким громадным носом -
это даже и не под вопросом)
Наполовину был еврей.

Евгений Шварц и Саша Черный
(Гликберг Александр, вернее)
Поспорили: кто же чернее?
Им встретился Белый Андрей:
"И ты еврей, и ты еврей".

Известный режиссер Роман Виктюк
Большой забросил в грузовик тюк
Афиш, книг Оскара Уайльда,
Каравай льда
Пуд сала -
Уж очень у него под ложечкой сосало.

Книги того же автора

"Наш век". Альбом о великом фотографе М.С.Наппельбауме.
И-во "Ардис" 1984

"Только в Одессе". Рассказы. И-во "Parus" 1985

"Эмиграммы". Деятели русской литературы, театра и кино в
эпиграммах. 1987

"Двадцать тысяч лиц Пастернака". Альбом фотографий
и эссе. "Parus" 1990

"Прощание с местечком". Рассказы. И-во "Parus" 1991

"Гете в гетто". Рассказы. И-во "Парус" 1992

"ПарУДЯКсы". И-во "Парус" 1993

"Только в Одессе" Рассказы. Второе издание. 1994.

"Белое и черное". Новые рассказы. И-во "Мир". 1995.

"Мы здесь и там". Рассказы за 15 лет. И-во "Вагриус" 1998

"Чемодан Михоэлса". Альбом и эссе. И-во "Collaborative
spirit." 2007

"Одесса и Высоцкий". Альбом и эссе. 2007

"Короткие встречи с Кирой Муратовой". 2007

Готовятся к изданию:

"Чикагола". Альбом фотографий и автографов деятелей
искусства и литературы России, побывавших в Чикаго.

"ПанаСОННИК". 25 лет записей снов.

"На фоне вождей, оленей, девушки с веслом."

На фоне чего фотографировался советский народ?" Альбом.

